

ЮБИЛЕЙ АЛЕКСАНДРА БРОДСКОГО

Философия родилась как форма времяпрепровождения досужных и состоятельных свободных граждан греческих городов-государств. Греки недаром чтили эту форму и особый тип мышления (дедуктивного, ответственного, категориального), который нарекли любовью к мудрости. Со временем философия превратилась в профессию, а свободные мыслители – в преподавателей философских дисциплин, которые вынуждены мыслить не на досуге, а по расписанию. Присмотр со стороны власти зачастую отнимал у профессиональной философии главное условие философского творчества – свободу и лишал университетскую философию востребованности. Сочетать свободу мышления с регулярностью и дисциплиной зачастую кажется делом безнадежным. Это мало кому удается и на поверку нередко оказывается лишь имитацией мысли. Однако и здесь бывают исключения, когда преподавание философии становится не просто призванием человека, но и известного рода искусством – искусством удерживать в царстве регулярности и послушания суверенность мысли. Студенты особенно ценят таких преподавателей и благодарят судьбу за возможность быть их учениками. И хотя Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета ныне не богат яркими именами, сильными мыслителями и харизматическими лидерами, в нем еще остаются преподаватели, которые, так сказать, оправдывают его существование и без которых блеклая современность составила бы пробел в интеллектуальном порядке философского образования. Одного из них мы и чествуем сейчас, отмечая его шестидесятилетний юбилей, – это Александр Иосифович Бродский.

Александр Иосифович родился 20 марта 1959 г. в семье известного ленинградского ученого, профессора кафедры логики Ленинградского государственного университета Иосифа Нусимовича Бродского (1924–1994). Иосиф Нусимович был учителем многих поколений ленинградских философов и логиков, всегда оставаясь одним из самых любимых среди студентов преподавателей философского факультета. Александр Иосифович также закончил философский факультет (1982) и аспирантуру, защитив в 1985 г. кандидатскую диссертацию «Стиль мышления как объект диалектико-материалистического анализа». Его преподавательская деятельность началась в Ленинградском институте текстильной и легкой промышленности им. С. М. Кирова на кафедре философии, кото-

рую возглавлял один из наиболее интересных и оригинальных ленинградских логиков и философов Олег Федорович Теребилов. В 1991 г. А. И. Бродский вернулся на философский факультет и с 1992 г. стал преподавать на кафедре истории русской философии, читая курсы по русской философии, этике, философским взглядам Л. Н. Толстого, истории русской литературной критики и др. В 1997 г. вышла его книга «Михаил Тареев»¹. Это было первое монографическое исследование творчества отечественного мыслителя и богослова.

В 2000 г. состоялась защита докторской диссертации А. И. Бродского «Обоснование морали в русской философии XIX–XX вв. Логико-эпистемологические аспекты»², в которой предлагалась версия конструктивной этики. В основу исследования была положена продуктивная аналогия между этикой и подходом, реализуемым в интуиционистской (конструктивной) логике. А. И. Бродский указал на перспективу дальнейшего развития этической теории, рассматривающей нормы и ценности в качестве результата интеллектуального конструирования. Главным критерием этических норм выступает их выполнимость: во-первых, физическая возможность совершить действие, во-вторых, способность или неспособность этого действия прийти в противоречие с другими моральными нормами³. Конструктивная этика также отсылает к этическому учению протестианства в католицизме, согласно которому выбор морального суждения определяется пользой, которое оно способно принести церкви. По мнению А. И. Бродского, конструктивная этика противостоит как этическому абсолютизму, так и этическому релятивизму. К диссертационному исследованию Александра Иосифовича примыкает и его монография «В поисках действенного этоса. Обоснование морали в русской этической мысли XIX в.»⁴, в которой он рассматривал логические, семантические и риторические стороны утверждения этических ценностей в русской духовно-академической традиции XIX в. (М. М. Тареев, митр. Антоний (Храповицкий), архиеп. Иннокентий (Борисов), И. Л. Янышев).

А. И. Бродский не только одним из первых среди современных исследователей обратился к изучению духовно-академической философии, убедительно демонстрируя ее значение как для русской философии и этики в целом, так и для становления профессиональной философии в нашей стране, но и принял участие в переиздании сочинений профессоров духовных академий. Таковы, в частности, издания работ Ф. А. Голубинского и М. М. Тареева⁵.

¹ Бродский А.И. Михаил Тареев. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. – 80 с.

² Бродский А.И. Обоснование морали в русской философии XIX–XX веков (логико-эпистемологические аспекты). Дис. ... доктора филос. наук. СПб., 2000.

³ Бродский А.И. Нормативная этика: от объективизма к конструктивизму // Этическая мысль. 2000. № 1. С. 148–158.

⁴ Бродский А.И. В поисках действенного этоса. Обоснование морали в русской этической мысли XIX в. СПб., 1999. – 152 с.

⁵ Голубинский Ф.А. Лекции по философии и умозрительной психологии / Сост., вступ. ст. и примеч. А. И. Бродского; пер. с лат. и греч. В. В. Семенова. СПб: Тро-

Принципы конструктивной этики А. И. Бродский предлагает применить и к процедуре этической экспертизы в сфере культуры, признавая этические принципы и нормы как более или менее правдоподобные (вероятностные) мнения. Иными словами, при этической экспертизе можно исходить не из убеждений и принципов эксперта, а из оценки конкретной ситуации и сравнения возможных последствий, вытекающих из применения определенных моральных требований к ситуации¹.

Исследования Александра Иосифовича по истории русской философии нашли отражение в многочисленных статьях, некоторые из которых были включены в качестве глав или разделов в его монографии и учебные пособия². Особенностью работ А. И. Бродского является умение находить и удерживать сюжет, сохраняя интеллектуальную интригу до конца повествования. Это редкое в современной историко-философской литературе качество, ведь, как правило, многие работы ограничиваются простым пересказом источников и общими рассуждениями. В книгах А. И. Бродского нет случайных слов: каждое выражение выверено и точно подобрано. Оттого его книги не велики по объему, но чрезвычайно содержательны: наполнены новыми фактами, малоизвестными или забытыми именами русских мыслителей, эвристическими аналогиями и параллелями из литературы, психологии, математики, этики, философии, точными формулировками и емкими характеристиками. Его исследования подобны логическим формулировкам: кратким и по-своему красивым. Культура строгого мышления, усвоенная Александром Иосифовичем, придает его трудам убедительность логического силлогизма и в то же время притягательность художественного произведения. Последним А. И. Бродский, вероятно, обязан постоянным обращением к русской литературе, которая выступает в его работах предметом философского анализа. Особенно ценит Александр Иосифович творчество Л. Н. Толстого, и, пожалуй, лучшие его исследования написаны на материале прозы русского писателя³.

па Трояна, 2006; *Тареев М.* Избранное. Философия жизни. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019.

¹ *Brodsky A.I.* Probable opinions and solid outcomes: on the methodology of ethical expertise in the cultural sphere // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. № 3. С. 324–332; *Бродский А.И., Овчинникова Е.А.* Идолы нравственного сознания. Из истории «этических экспертиз» в России // Вече. 2018. № 30. С. 8–28.

² *Бродский А.И.* Логика идеологий: из истории русской политической мысли XIX–XX веков. СПб., 2006. – 90 с.; *Бродский А.И.* Образы судьбы в русской философии и литературе XIX–XX веков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – 122 с.; *Бродский А.И., Никоненко В.С.* Философская интерпретация художественных текстов (на примере русской литературы XIX в.): учеб. пособие. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2009. – 120 с.; *Бродский А.И., Рыбас А.Е.* Проекты Серебряного века: философские идеи русского модерна. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. – 323 с.

³ *Бродский А.И.* Лев Толстой: религиозное учение и художественный метод // Вече. 2014. № 26. С. 70–86; *Бродский А.И.* Метафизика художественной формы.

В 2016 г. в издательстве «Наука» в возобновленной серии «Мыслители прошлого» вышла монография А. И. Бродского «Владимир Соловьев»¹, в которой было предложено практическое или этическое прочтение творчества русского философа. Авторская интерпретация А. И. Бродского побуждает во многом по-новому взглянуть на учение Соловьева. Александр Иосифович оставляет в стороне метафизику русского мыслителя и почти не касается тех произведений, которые принято считать у Соловьева главными. Напротив, он акцентирует внимание на социально-политическом идеале – учении о Всемирной теократии Соловьева, анализируя в первую очередь такие произведения, как «Россия и Вселенская церковь», «История и будущность теократии» и «Три разговора». В результате обосновывается актуальность взглядов Соловьева и их совпадение с концепцией С. Ф. Хантингтона о конфликте цивилизаций².

В последние годы в связи с участием в ряде исследовательских проектов А. И. Бродский начал разрабатывать новую проблематику на стыке истории философии, психологии, нарратологии, «вероятностной модели языка» В. В. Налимова и «культурной травматологии». Он выдвинул гипотезу, что механизмы образования социума (от первобытных родоплеменных союзов до современных наций) подобны становлению индивидуальной психики и личности. Особая роль в этом процессе принадлежит психическим травмам. Полученная на раннем этапе психологическая травма (как отдельной личностью, так для народом), не только формирует различные болезненные симптомы и комплексы, но и является необходимым моментом в становлении самосознания (индивидуального или коллективного). Без процессов отчуждения, подавления, вытеснения и других психотравм не может сформироваться ни личность, ни нация³. А. И. Бродский пытается показать, каким образом инертность психологических процессов или так называемые «навязчивые состояния» сказываются на формировании национальной и культурной традиции. Реальные события могут быть актуализированы или вытеснены на уровне смысла, т. е. включены в определенный дискурс, который связывает их и наделяет смыслом посредством фигур речи (тропов), сюжетов, литературных жанров. Так, например, согласно вероятностной модели языка каждый языковой знак вероятно-статистическим образом

Доклад на семи цитатах // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. Т. 14. С. 67–75; *Бродский А.И.* Обретение идентичности. Рецепция идей Толстого в творчестве Милана Кундеры // Вече. 2013. № 25. С. 36–47.

¹ *Бродский А.И.* Владимир Соловьев. СПб.: Наука, 2016. – 255 с.

² *Малинов А.В.* Философ нашего времени [Рец. на:] Бродский А.И. Владимир Соловьев. СПб.: Наука, 2016. 255 с.) // Соловьевские исследования. 2018. № 2. С. 149–153.

³ *Бродский А.И.* Культура и невроз. Комментарий к антропологии С. Н. Давиденкова // Вече. 2004. № 16. С. 83–93; *Бродский А.И.* Травма и конструкция в национальном самосознании: На материале истории восточноевропейских евреев конца XIX – начала XX века // Философия и культура, 2015. № 12. С. 1783–1793; *Бродский А.И.* Креативное вытеснение (к методологии изучения культурных травм) // Философия и культура. 2018. № 8 (128). С. 40–50.

связан со множеством значений, образующих априорную функцию распределения смысла. Конкретный исторический контекст актуализирует одно из этих смысловых значений. Соответственно, другие вероятные смыслы оказываются «вытесненными»¹. Речевая коммуникация становится возможной только при стабилизации значений и прогнозируемости смысловых ситуаций. Так же, по схеме инертности нервно-психических процессов, действует и культурная традиция, сохраняя ценности и смыслы. В качестве примера культурной актуализации-маргинализации А. И. Бродский останавливается на изучении польского влияния на русскую культуру, в частности процесса секуляризации посредством вытеснения и замещения традиционных элементов культуры², рецепции «второй схоластики»³, судьбы логики в России⁴.

Однако едва ли не большее воздействие на учеников и коллег Александра Иосифовича оказывает обаяние его личности и та радость спокойного и светлого общения, которой он одаривает окружающих. В его облике все – от негромкого голоса и полуприкрытых, с близоруким прищуром глаз до высокой фигуры – проникнуто ощущением ранимости и незащитности интеллигенции. Скромность и простота его жизни дает пример подлинного философского аскесиса, в котором дух пересиливает физические недуги и материальные трудности. А. И. Бродский никогда не старался угодить начальству, ни о чем не просил и не стремился к почестям и наградам. Тем не менее, Библейско-богословский институт Св. апостола Андрея в 2005 г. отметил его дипломом за лучшую исследовательскую работу, а Русское общество друзей Еврейского университета в Иерусалиме в 2008 г. присудило ему премию «За научную и педагогическую деятельность, содействующую толерантности и взаимопониманию между людьми». Безусловным признанием заслуг Александра Иосифовича является также любовь со стороны студентов и уважение коллег.

А. В. Малинов

¹ См.: *Бродский А.И.* Анатомия традиций: физиологические и семиотические основания вытеснения и актуализации в культуре // *Studia Culturae*. 2016. №30. С. 18–29.

² *Бродский А.И.* Кто взойдет на гору Господню? Польша, Россия и Украина в свете мессианской идеи // *Вече. Журнал русской философии и культуры*. 2015. № 27. С. 183–206; *Бродский А.И.* Время пресуществления святых даров. Киевское богословие и российское просвещение // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия, конфликтология, культурология, религиоведение*. 2015. № 1. С. 89–95.

³ *Brodsky A.I.* Logic lessons for Russia. The second scholasticism in Russia and Ukraine // *Rivista di Estetica*. 2018. № 1 (67). P. 20 – 32.

⁴ *Бродский А.И.* Неудачная деактуализация. Пять случаев из истории логики в России // *Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии*. 2018. № 3. С. 25–46.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АНЕКДОТ И ЕГО БОГОСЛОВСКИЕ ИСТОКИ*

Александр Бродский

Санкт-Петербургский государственный
университет

Цитирование: *Бродский А.И.* Религиозный анекдот и его богословские истоки // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2(6). С. 123–131.

DOI: <https://10.31119/phlog.2019.6.8>.

For citation: Brodsky, A.I. (2019), *Religioznyy anekdot i yego bogoslovskiye istoki* [Religious anecdote and its theological origins], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], no. 2(6), pp. 123–131. DOI: <https://10.31119/phlog.2019.6.8>.

Основная тема статьи – этическая оценка религиозного анекдота. Большинство религиозных анекдотов представляют собой определенную форму конфессионального самосознания, имеют древние корни и нередко отсылают к важнейшим богословским проблемам, а используемые в них юмористические приемы указывают на специфические стандарты богословского рассуждения. Наиболее характерным приемом религиозных анекдотов автор считает пародирование принципа «самообосновывающейся истины», на котором строится, в частности, онтологическое доказательство бытия Бога Ансельма Кентерберийского. Богословы и философы не раз отмечали, что онтологическое доказательство является таковым только для верующего разума; те же, кто в Бога не верит, воспринимают самообосновывающиеся истины как нечто анекдотическое, указывая на содержащееся в них отклонение от норм мышления, выступающее причиной смешного. Однако в конфессиональном и национальном самосознании именно отклонение от норм рациональности является структурообразующим элементом, а также фактором идентификации, и поэтому самообосновывающиеся истины для религиозного или национального сообщества выступают в качестве абсолютных ценностей.

Ключевые слова: религиозный анекдот, пародия, нация, религия, стандарт, отклонение, самосознание.

The article deals with the ethical assessment of a religious anecdote. The author insists that religious jokes can be regarded as a form of confessional identity as they date back to the antiquities and often imply the most important theological problems. Some religious anecdotes are analyzed to show that the humorous techniques used in them refer to some characteristic standards of the theological reasoning. In the author's view, religious anecdotes are mostly based on a parody of the principle of a "self-establishing truth". Among other cases, this kind of truth was used in the ontological argument for the existence of God proposed by Anselm of Canterbury. Nowadays, it is considered obvious by both theologians and philosophers that the ontological argument is valid only for those who already believe in God. For the rest, however, such an argument is nothing but a joke. From this point of view, any manifestation of religious faith contains something anecdotal as it is always a deviation from the norms of rational thinking. Nevertheless, in confessional and national self-awareness such a deviation based on self-establishing truths is rather important because it helps to construct a consistent world view satisfying all the needs of a religious or national community. Therefore, deviations from the norms of rationality can be considered as the most important factor in a confessional or national identity.

Keywords: religious anecdote, parody, nation, religion, standard, deviation, self-awareness.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 18-011-00673: «Методология этической экспертизы в сфере культуры».

«Анекдоты рождаются на Небесах». Это выражение обычно понимается в том смысле, что анекдоты принципиально не имеют авторства. Никто никогда не видел «автора» анекдота. Крупнейшие писатели-юмористы утверждали, что им никогда не удавалось сочинить какой-либо анекдот. Сообщения о каких-то «источниках» анекдотов – «одесский еврей», «армянское радио» и т. п. – сами носят анекдотический или мифологический характер. Однако настоящая статья имеет целью вложить в это выражение нечто большее, а именно мысль о том, что большинство анекдотов, в том числе и религиозных, носят религиозно-нравственный характер и, вполне вероятно, действительно божественны по своим истокам. Конечно, бывают и анекдоты, родившиеся не на Небесах, а на нашей грешной Земле, но в этом случае они, как правило, не остроумны, агрессивны, злобны или скабрёзны.

Само упоминание о религиозных анекдотах вызывает у людей некоторую настороженность: как-никак в современной России есть закон, предусматривающий уголовное наказание за оскорбление чувств верующих. Поэтому спешу заверить, что большинство таких анекдотов я услышал из уст людей верующих. Более того, самые забавные религиозные анекдоты, по моим наблюдениям, рассказывают представители православного и католического духовенства, превосходя в этом даже раввинов. Конечно, есть и чисто атеистические религиозные анекдоты. Но они всегда абсолютно не смешны, грубы, примитивны, а своим истоком имеют атеистическую пропаганду советских времен. Неверным будет и утверждение, что религиозный анекдот – это некое балансирование на грани святости и кощунства, характерное для некоторых религиозных практик. Религиозный анекдот – это не «бахтинский» карнавал с его водворением зада на место лица¹ и не юродство с его «блаженными похабами» [2], а одно только сплошное благочестие. Последнее утверждение, собственно говоря, и является главным тезисом предлагаемой статьи.

1

Прежде всего, следует отметить, что, как утверждают многие исследователи, жанровой основой анекдота является *пародия* [1, 5]. В анекдотах пародируются стандарты какого-либо поведения, а чаще – стандарты не самого поведения, а его описания. Разумеется, как и всякая пародия, анекдот предполагает знание объекта пародирования и контекста. В этом смысле анекдоты часто выполняют интегративную функцию в обществе². Например, в советское время людей часто объединяли анекдоты про Брежнева: на их основе профессор мог подружиться с пришедшим к нему в дом сантехником, а врач и пациент – забыть о целях своей встречи. Сейчас же эти анекдоты молодым людям вообще не кажутся смешными, так как им обычно не знаком сам «объект» пародирования. Но даже если

¹ Для карнавала, утверждал М. М. Бахтин, «характерна своеобразная логика “обратности”, “наоборот”, “наизнанку”, логика непрерывных перемещений верха и низа, лица и зада» [10, с. 14].

² Об интегративной роли литературных пародий см. [4, с. 36].

они видели Леонида Ильича на кадрах кинохроники и представляют характерные особенности его поведения и речи, анекдоты о нем все равно не смешат, так как исчез необходимый контекст – повседневная советская действительность с ее постоянным «транслированием» этого персонажа всеми средствами массовой информации, причем в крайне клишированных формах вербального и визуального представления.

Пародироваться в анекдоте могут политические деятели (чаще всего – главы государств), исторические персонажи (Ленин, Сталин и т. п.), киногерои (Чапаев, Штирлиц и т. п.), семейные или социальные роли (муж, жена, теща, свекровь, любовник и т. д.), некоторые профессии (милиционер, прапорщик, врач и т. п.). И, разумеется, одним из излюбленных объектов анекдотического пародирования являются национальности. На национальных анекдотах следует остановиться подробнее, так как они ближе всего подводят нас к основной теме статьи: религиозному анекдоту.

Национальные анекдоты бывают двух видов. Некоторые из них носят агрессивный характер, преисполнены злобы, ненависти и презрения к представителям той или иной национальности. Другие, напротив, могут рассматриваться как формы переживания собственной национальной идентичности, хотя и поданной в комической форме. Для нашей темы интерес представляют только анекдоты второго типа. Анекдоты первого типа – это анекдоты, которые наверняка «не родились на Небесах» и поэтому, как правило, глупы или отвратительны.

В национальных анекдотах поведение пародируемой нации описывается как некое отклонение от принятой нормы. В свое время А. Бергсон утверждал, что отклонение от социальной нормы составляет суть любого комического эффекта. Смешное – это отклонение от социальной нормы, и потому оно *служит исправлению* нарушенной нормы[11, с. 84–121]. Соглашаясь с классиком философии в том, что смешное связано с отклонением от нормы, хочу заметить, что оно все-таки далеко не всегда призвано служить «исправлению». В национальном самосознании именно «отклонение от нормы» является структурообразующим фактором, который самой нацией оценивается исключительно положительно. Например, в русском национальном самосознании отклонение от европейских стандартов возведено в степень чуть ли не главной ценности:

Да, Скифы – мы! Да, азиаты – мы, –
С раскосыми и жадными очами!

Такое же противопоставление является стержнем русских национальных анекдотов, которые всегда выстраиваются по модели «встретились русский, американец, немец... или кто-то там еще». Встретившиеся с русским представители разных наций олицетворяют какие-то стереотипы поведения: американцы прагматичны, французы эротичны, немцы дисциплинированы и т. п. Русский же разрушает все эти стереотипы: его действия, с точки зрения принятых норм, абсурдны, дики, грубы, иногда как бы глупы (хотя это, как правило, глупость Ивана-дурака, который на деле оказывается гораздо умнее и хитрей своих старших братьев), но всегда своеобразны, колоритны и превращают поведение других наций в тусклое механическое выполнение некоторых клише.

Весьма характерным объектом российских анекдотов является чукча. Известный русский и чукотский писатель Юрий Рытхэу утверждал, что когда в 70-х годах прошлого века появились анекдоты о чукчах, долгое время они все приписывались ему, хотя на самом деле он не сочинил ни одного из них [14]. На первый взгляд, это может показаться странным. Почему вроде бы оскорбительные анекдоты, в которых чукча обычно изображается дураком, приписывались писателю-чукче. Но на самом деле эти анекдоты далеко не всегда носили оскорбительный характер, и их смысл во многом совпадал со смыслом рассказов самого Рытхэу, так как чукча выступал в них не столько в роли «дурака», сколько в классической литературной роли «простеца». Чукча крайне наивен, доверчив, простодушен, и эти качества позволяют ему «называть вещи своими именами» и сохранять некую незамутненную цивилизацией нравственную чистоту. Во многих анекдотах чукча – это поистине *l'homme naturel* Ж.-Ж. Руссо.

Наконец, говоря о национальных анекдотах, нельзя обойти внимание еврейские анекдоты. О еврейских анекдотах существует довольно обширная научная литература [3, 7, 8, 9]. Конечно, встречаются чисто антисемитские анекдоты. Кроме того, встречаются псевдо-еврейские анекдоты, где действуют вроде бы евреи, но ничего специфически еврейского в их поведении нет, и если на место еврея в этих анекдотах поставить кого-либо другого, то ничего не изменится [3]. Но в большинстве случаев еврейский анекдот представляет собой форму переживания собственной национальной идентичности, несмотря на кажущуюся уничтожительность характеристик.

Еврейский анекдот напрямую подводит нас к религиозной проблематике, так как тема взаимоотношений человека с Богом встречается здесь чаще, чем в других этнических анекдотах. Но начну я как раз с очень русского религиозного анекдота, так как его позитивный смысл представлен хотя и достаточно четко, но, может быть, не так откровенно, как в еврейских анекдотах.

2

Теперь я начинаю рассказывать анекдоты. Но прежде я должен с горечью констатировать, что анекдот много теряет при его письменной передаче. Анекдот – театральная форма, он предполагает определенные интонации голоса, движения, мимику. Поэтому есть люди, в исполнении которых почти любой анекдот произведет комический эффект, а есть люди, которые вообще не умеют рассказывать анекдоты. Но... делать нечего, придется ограничиться письмом. Итак:

Поп и ксендз играют в бильярд. И поп, когда промахивается, восклицает:

– Тьфу, черт! Промазал!.. Тьфу, черт! Промазал!

Наконец, ксендз не выдерживает:

– Святой отец, что же вы черта все время поминаете? Не хорошо это!

– Ох, не хорошо. Ох, не хорошо, – бормочет поп. И снова:

– Тьфу, черт! Промазал!

– Святой отец, – не унимается ксендз, – Бог вас накажет!
 – Ох, накажет. Ох, накажет, – сетует поп, и снова:
 – Тьфу, черт! Промазал!
 Тут раздается гром, появляется молния и... убивает ксендза.
 И с неба голос:
 – Тьфу, черт! Промазал!

Хотя анекдот этот я впервые услышал из уст поляка-католика, он все-таки представляется мне глубоко русским и православным. Во-первых, в этом анекдоте грубоватый поп оказывается гораздо ближе к Богу, чем ксендз-моралист. Во-вторых, мы же прекрасно понимаем, что Бог не промахнулся, а наказал ксендза за ханжество.

Анекдот про попа и ксендза можно сравнить с известным еврейским анекдотом про Ньюма, который анализируется в диссертации Е. А. Копылковой, в которой еврейские анекдоты рассматриваются с точки зрения психологии переживания своей национальной идентичности [3].

Ортодоксальный иудей Ньюма влюбился в русскую девушку и решил на ней жениться. Он состриг свои пейсы, сбрил бороду, подкрутил наверх усы, сменил свой лапсердак на элегантный костюм и в таком виде пошел свататься. По дороге Ньюму сбивает машина, он погибает и предстает перед Богом. Ньюма обращается к Богу:

– Господи, зачем Ты это сделал? Я ведь вел такую праведную жизнь, выполнял все Твои заповеди. Почему Ты убил меня в самый важный момент моей жизни и не дал изведать земного счастья?

– Ньюма, это ты?! – отвечает Господь. – Извини, я тебя не узнал.

Этот анекдот можно подвергнуть примерно тому же анализу, что и предыдущий. Во-первых, Бог и еврей разговаривают как старые знакомые, чуть ли не друзья. Во-вторых, мы же, конечно, понимаем, что Господь узнал Ньюму, но наказал его за отступничество.

Надо признать, что в обоих анекдотах латентно присутствует идея особых отношений между народом и Богом. Евреи считают себя богоизбранным народом, но и русские не отстают от них, претендуют на роль народа-богоносца.

Вообще-то анекдоты – явление довольно древнее. Истории, которые жанрово и структурно напоминают анекдоты, специалисты обнаруживают в Древнем Риме, в Древней Греции и даже в Древнем Египте. Неоднократно исследователи обращали внимание на иудейские прототипы анекдотов: нечто, похожее на анекдот, можно при желании вычитать и в Библии, но явно анекдотическую природу имеют некоторые талмудические притчи и хасидские рассказы. Причем здесь-таки имеет место именно религиозная проблематика.

Вот теперь я хочу рассказать свой любимый еврейский анекдот. Однако следует заметить, что этот анекдот я тоже впервые услышал в некоем польско-католическом сообществе, что, как будет видно, имеет значение для некоторой нюансировки.

Поп, ксендз и раввин рассказывают друг другу о чудесах, которые им удалось сотворить своими молитвами.

Поп: «Пошел я как-то в лес по грибы. И вдруг лесной пожар. Впереди горит, сзади горит. Что делать?! Ну, я помолился. И вот: кругом пожар, а над тем местом, где я иду – тучка, дождик льет и нет огня. Так я и спасся!»

Ксендз: «Это что! Вот со мной случилось чудо, так чудо. Плыл я однажды на корабле. И вдруг буря, шторм, корабль вот-вот перевернется. Что делать?! Ну, я помолился. И вот: кругом буря, а там, где наш корабль плывет, тишина, штиль. Так я и спасся».

Раввин: «Да разве это чудеса?! Вот со мной случилось чудо, так чудо. Иду я однажды в субботу по улице и вижу: лежит на земле набитый бумажник. Хочется поднять, но нельзя. Ведь суббота! Что делать?! Ну, я помолился. И вот: кругом суббота, а там, где я стою, четверг!»

Через пару лет после того, как я услышал этот анекдот, я случайно обнаружил, что он на самом деле является фрагментом длинного хасидского рассказа, в котором два еврея из разных местечек спорят о том, чей раввин могущественней¹: «А наш рабби однажды пошел в лес...», «А наш рабби плыл на корабле...» В истории о «субботе» рабби, конечно, не бумажник хочет поднять. То, что у раввина в шаббат нет других забот, как присвоить чужие деньги, – это как раз польско-католическая версия истории. В еврейской версии он просто куда-то едет на телеге, но не успевает до начала шаббата, т. е. до захода солнца в пятницу. «Но наш рабби помолился и вот: кругом шаббат, а там, где он едет – четверг, будний день».

Есть в этом разговоре и другие истории, которые потом стали анекдотами. Например, один из собеседников рассказывает, как их рабби приехал в какую-то деревню, жители которой его плохо встретили и прогнали. Рабби в сердцах воскликнул: «Господи! Пусть сгорит эта деревня!». Но тут же подумал: «А вдруг в этой деревне живет какой-нибудь праведник?». И воскликнул: «Господи! Сделай так, чтобы деревня не сгорела». И случилось чудо: деревня не сгорела. В современном анекдоте сам раввин рассказывает, как он, проходя мимо какого-то дома, увидел в окне еврея, евшего свинину, и, возмущившись, попросил Господа спалить этот дом. Но затем подумал о том, что в доме может жить праведник... и т. д. В этом анекдоте, по-моему, пропадает контекст т. н. *межэтнических отношений*, который присутствует в хасидском рассказе. Место, где живут евреи, деревней не называют. Рабби заехал, вероятно, в *русскую* деревню, откуда его прогнали. Конечно, сгореть бы этой деревне. Но, согласно иудаизму, и среди неевреев встречаются праведники. Редко, но бывают!

Наконец, самым, на мой взгляд, любопытным фрагментом этого благочестивого спора двух евреев является его концовка. Анекдотическая версия этой концовки мне не известна, поэтому привожу лишь хасидский вариант:

¹ Впервые эта история встретилась мне в книге М. И. Шахновича «Петербургские мистики» [6, с.155–156], затем попадалась в других изданиях.

- А наш рабби, – говорит один из собеседников, – порой с самим пророком Ильей беседует.
- Откуда ты это знаешь?
- Он сам нам об этом рассказывал.
- Так, может быть, он врет?
- Что ты! Что ты! Как может врать человек, с которым сам пророк Илья беседует?!

В этом диалоге имеет место своеобразная речевая ситуация. На языке логики она может быть охарактеризована как *самообосновывающаяся истина*. Наверное, самым ярким примером самообоснования – причем примером, напрямую обращающим нас к религиозной проблематике, – является знаменитый аргумент в пользу существования Бога Ансельма Кентерберийского, который впоследствии получил название «онтологического доказательства бытия Бога». В наиболее популярной картезианской трактовке это доказательство выглядит следующим образом: сама идея совершенного существа содержит в себе атрибут вечного и необходимого бытия, из чего следует, что Бог существует [12, с. 386].

Богословы и философы не раз отмечали, что «онтологическое доказательство» является доказательством только для «верующего разума». Как утверждал, например, о. Павел Флоренский, мы можем принять Истину лишь в качестве «само-доказательного Субъекта, – такого субъекта, *qui per se ipsum concipitur et demonstrator*» [15, с. 44]. Поэтому, размышляя о Боге, мы неизбежно принимаем аргумент Ансельма. Но, принимая этот аргумент, мы, вслед за тем же Ансельмом, спокойно повторяем: «*Credo ut intelligam*. Сперва, мне казалось, будто я нечто “знаю”; после перелома стал “верить”. Теперь же знаю, потому что верю» [15, с. 62]. Для того, кто в Бога не верит, или верит, но как-то иначе, чем Ансельм (например, считает Бога совершенно непостижимым), онтологическое доказательство является абсурдом, пародией на доказательство, кантовским «анекдотом» о «ста талерах»¹. Любая самообосновывающаяся истина является «анекдотом» для того, кто в этой истине сомневается.

С этой точки зрения, любые проявления религиозной веры содержат в себе нечто анекдотическое. Религиозная вера комична, так как всегда содержит в себе отклонение от норм рациональности. Но, как и в случае переживания своей национальной идентичности, отклонение от нормы является здесь важнейшим фактором конфессионального самосознания, способом определения своего уникального места в мире: «Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих (1Кор. 1:21).

Потому-то так часто очень религиозные люди рассказывают анекдоты о своей вере. Потому-то обычно возмущают эти анекдоты тех, кто ждет от религии свирепой серьезности государственной идеологии. Потому-то, как было сказано в начале, подлинные религиозные анекдоты

¹ Кант, критикуя онтологическое доказательство существования Бога, отмечал, что мысль о сотне действительных талеров ничем не отличается от мысли о сотне воображаемых талеров. Различие между действительным и воображаемым не имеет отношения к содержанию понятий [13, с. 453].

являют собой одно сплошное благочестие и наверняка ниспосланы людям с Небес.

Вместо заключения я хочу сделать небольшое добавление. Данная статья была сначала произнесена в форме доклада на Пятом международном гелологическом конгрессе «Смех и коммуникация». После выступления ко мне подошел какой-то пожилой испанец и сказал, что доклад ему понравился, так как во время него он «хорошо себя почувствовал». С трудом удалось понять, что хорошо себя почувствовал он из-за того, что «подышал воздухом свободы», которого давно нет в Европе, так как в Европе такие анекдоты (т. е. про национальности, про религии и т. п.) рассказывать нельзя...

Спорное утверждение. Как же в таком случае существуют в Европе издания типа журнала «Charlie Hebdo»? Впрочем, это не мое дело. Но если своими рассуждениями я способствовал улучшению самочувствия одного европейского интеллектуала из прошлого века, да еще попутно, совершенно случайно, способствовал укреплению позитивного имиджа России, то, значит, работа проделана не напрасно.

Литература

Исследования

1. Белоусов А. «Вовочка» // Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература. Сб. статей / Сост. Н. Богомолов. М.: Ладомир, 1996.
2. Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005.
3. Копылькова Е.А. Анекдот как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов). Диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М. 2006. URL: www.dissercat.com/content/aneddot-kak-sredstvo-perezhivaniya-natsionalnoi-identichnosti-na-materiale-analiza-evreiskik.
4. Троицкий С.А. Пародийное начало в культуре // Пятый Международный гелологический конгресс «Смех и коммуникация». Программа и аннотации. 29.05.–01.06. СПб., 2019. С. 36.
5. Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 17–31.
6. Шахнович М.И. Петербургские мистики. СПб.: ТОО «Невский глашатай», 1996.
7. Oring E. The Jokes of Sigmund Freud: A study in Humor and Jewish Identity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1984.
8. Semites and Stereotypes: Characteristics of Jewish Humor / A. Ziv, A. Zadjman (eds.). Westport: Greenwood Press, 1993.
9. Telushkin J. Jewish humor: what the best Jewish jokes say about the Jews. N.Y.: Quill, William Morrow, 1998.

Источники

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
2. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992.
3. Декарт Р. Метафизические размышления // Декарт Р. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 319–407.
4. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М.: ЧОРО, 1994.
5. Рытхэу Ю.С. Дорожный лексикон. СПб: Изд-во журнала «Звезда», 1910.
6. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Т. 1. М.: Правда, 1990.

Brodsky, Aleksandr I. *Religious anecdote and its theological origins**References*

1. Belousov, A. (1996), “Vovochka”, in Bogomolov, N. (comp.) *Anti-mir russkoi kul'tury. Yazyk, fol'klor, literatura* [Anti-world of Russian culture. Language, folklore, literature], collection of articles, Ladomir, Moscow.
2. Ivanov, S.A. (2005), *Blazhennye pokhaby: Kul'turnaia istoriia iurodstva* [Blessed obscenities. The cultural history of feeble-mindedness], Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow.
3. Kopylkova, E.A. (2006), Anecdote as a means of experiencing the national identity (based on an analysis of Jewish anecdotes), Ph.D. Thesis in Psychology, Moscow, URL: www.dissercat.com/content/anedkot-kak-sredstvo-perezhivaniya-natsionalnoi-identichnosti-na-materiale-analiza-evreiskik.
4. Troitskiy, S.A. (2019), Parody origin of a culture, in *The fifth international gelogical congress “Laughter and Communication”*, St. Petersburg, 29.05.–01.06.
5. Khimik, V.V. (2002), Anecdote as a unique phenomenon of Russian speech culture, in *Anecdote as a cultural phenomenon: materials of the round table*, St. Petersburg St. University, November 16.
6. Shakhnovich, M.I. (1996), *Peterburgskie mistiki* [Petersburg mystics], Nevskiy glashatay, St. Petersburg.
7. Oring, E. (1984), *The Jokes of Sigmund Freud: A study in Humor and Jewish Identity*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia.
8. Ziv A., and Zadjan, A. (eds.) (1993), *Semites and Stereotypes: Characteristics of Jewish Humor*, Greenwood Press, Westport.
9. Telushkin, J. (1998), *Jewish Humor: What the Best Jewish Jokes Say About the Jews*, Quill, William Morrow, New York.